

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

С Е Р И Я

НОВОЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ
**КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА**

Санкт-Петербург
2022

1.8. ЛИТЕРАТУРОВЕД: КЛАССИК И НОВАТОР

В пору празднования 100-летия академика Д. С. Лихачева в стране состоялся целый ряд соответствующих научных конференций и торжественных заседаний, опубликовано немало юбилейных материалов. И все же **представляется уместным еще раз вернуться к вопросу о его вкладе в литературоведение.**

Дело в том, что **яркое и продуктивное использование результатов лихачевских исследований в современном литературоведении удивительным образом контрастирует с отсутствием попыток комплексной оценки роли самого ученого в развитии данной отрасли науки с позиций современного знания.** Более того, многие «юбилейные» статьи производят порой удручающее впечатление, сводясь к унылому перечислению публикаций и заслуг академика, вклад в науку которого якобы состоит лишь в «хранении культурного наследия». Исключением в данном плане можно назвать лишь ряд блестящих докладов на Научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН, состоявшегося в Москве 20 декабря 2006 года¹. В особенности — выступления В. Е. Багно, Н. Н. Покровского, Ю. М. Прозорова, Л. И. Сазоновой.

Однако, по сути дела, лучшей работой о Лихачеве-литературоведе до сих пор остается статья В. П. Адриановой-Перетц, опубликованная впервые в 1966 году², и приходится только надеяться, что данный пробел будет восполнен грядущими филологическими поколениями. Пока же этого не случилось, представляется уместным высказать несколько соображений на данную тему, носящих, как хочется надеяться, дискуссионный характер.

Фактология жизненного пути Лихачева обстоятельно освещена во многих изданиях³.

¹ См.: Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва. 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; отв. ред. А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006.

² *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Дмитрий Сергеевич Лихачев. М.: Наука, 1966. С. 6–27. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 7).

³ *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд. М.: Наука, 1989. С. 11–42. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17); *Очень*^{UM}. 2006/2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева; Интернет-сайт «Площадь Лихачева»: <http://www.lihachev.ru> (Дмитрий Лихачев и его эпоха) и др.

То, что Д. С. Лихачев в 1938 году стал сотрудником Отдела (впоследствии — сектора) древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского Дома), предварительно отсидев около четырех лет в Соловецком концентрационном лагере особого назначения (и написав там несколько блестящих работ, посвященных уголовному фольклору), сейчас широко известно — об этом много говорилось и писалось начиная с «перестроечных» времен. Не является секретом и то, что первой монографией будущего академика была брошюра «Оборона древнерусских городов», написанная им в соавторстве с археологом, профессором М. А. Тихановой в блокадном Ленинграде специально для солдат, защищавших ленинградские рубежи (ее по распоряжению ленинградского обкома раздавали в окопах).

Кандидатская диссертация о новгородских летописных сводах XII века была защищена в 1941 году, докторская — об истории литературных форм летописания XI–XVI веков — в 1947-м. В общем, достаточно знакомым, по крайней мере для гуманитариев, является и послевоенный творческий путь Д. С. Лихачева, схематически изложенный во многих биографических статьях. В 1950 году он публикует двухтомный труд, посвященный классическому памятнику киевского летописания «Повесть временных лет», в 1954-м — возглавляет сектор древнерусской литературы ИРЛИ. В 1958 году Дмитрий Сергеевич выпускает в свет монографию «Человек в литературе Древней Руси», где впервые была представлена теория смены культурно-исторических стилей в средневековой русской литературе, в 1962 году — «Текстологию» (о ней пойдет речь далее особо), в 1967-м — «Поэтику древнерусской литературы», опровергающую взгляд на «евразийскую» природу русской культуры. Тогда же, в 1960–1970-х годах, Лихачевым написан ряд статей, посвященных крупнейшим фигурам «допетровского» периода отечественной словесности.

Особое внимание Дмитрий Сергеевич уделял «Слову о полку Игореве», противодействуя новому «всплеску» активности авторов, стремившихся поставить под сомнение подлинность этого шедевра русского средневековья. Д. С. Лихачев сумел ответить им достойно.

Весьма интересно мнение о последствиях данной дискуссии одного из крупнейших отечественных ученых-гуманитариев академика В. Л. Янина: «Выступление А. А. Зимина было результатом его научного убеждения. Я никогда не соглашался с А. А. Зиминим и его сторонниками, но считаю, что его позиция сыграла благую роль в изучении этого великого памятника. До этого к нему относились как к иконе, а в результате полемики стали изучать “Слово” методами текстологии, выясняя наслоения времени в нем, что сегодня привело к появлению блестящего исследования “Слова” А. А. Зализняком»¹.

¹ Из письма В. Л. Янина А. С. Запесоцкому от 05.11.2006.

В зрелый период жизни Лихачев действует как подлинный паладин, сражающийся за честь «Прекрасной Дамы» — России, ее великой культуры, являющейся частью культуры мировой. Он «без страха и сомненья» выступал против любого противника и, что очень важно в отечественном историческом контексте, умел побеждать даже в неравной битве. «Все мои статьи имеют не “проповедническую” цель, а являются определенными поступками в борьбе за сохранение культуры, не только русской культуры, а культуры в целом, — писал Лихачев за год до ухода из жизни, “на санях сидючи”, оглядывая пройденный путь. — Перечислю бегло объекты моей озабоченности: это Невский проспект в Петербурге; Кремль в Соловках; подмосковные усадьбы (в первую очередь Мураново и Шахматово); фрески Ковалева, Волотова, Нередицы в Новгороде; Воронцовский дворец в Алушке; Лесковицы в Чернигове; парки в Петергофе, Пушкине, Гатчине, Павловске, Выборге; озеро Байкал; направление течения рек в Сибири, Средней Азии и т. д.; это научные библиотеки, рукописные собрания, состояние запасников музеев, средних школ и высших учебных заведений; это публикации в серии “Литературные памятники” воспоминаний “монархиста” А. Бенуа, житий византийских святых, в Гослите — романа Пастернака “Доктор Живаго” и многого другого, за что мне неоднократно “попадало”. Не могу сказать, что мои усилия не дали результатов. Напротив, большинство моих акций оказались успешными»¹.

Однако само по себе перечисление трудов и заслуг не может ответить на главный вопрос, до сих пор не разъясненный массовой читательской аудиторией: **в чем состоит принципиальное новаторство Д. С. Лихачева в контексте современной ему филологической науки?** То, что академический ученый написал много хороших книг по теме его научной работы, не может быть само по себе основанием для придания ему статуса «знаковой фигуры». И во времена Архимеда, и во времена Ньютона, и во времена Менделеева их коллеги тоже писали много и хорошо, но у Архимеда, в отличие от прочих, была еще и его «ванна», у Ньютона — «яблоко», у Менделеева — «таблица». Гений тем и отличается в научном мире от таланта, что за первым стоит некая кульминация его творческих усилий, локализованная во времени и пространстве в ослепительно яркий миг взлета, прорыва, тогда как для талантов существует лишь много частных, скромных успехов на всем протяжении их жизненного пути. Поэтому-то подавляющее большинство ученых остаются в истории науки длинным «списком научных трудов», и только единицы входят в эту историю с кратким, предельно ясным и понятным даже для непосвященных «девизом»-

¹ Лихачев Д. С. Проповедь или поступок? // Русская литература. 1998. № 2. С. 212–213.

эмблемой, подобной рыцарскому боевому кличу легендарных героев минувших времен:

Lumen Coeli, Sancta Rosa! —
Воскликнул в восторге он...

Есть ли подобный девиз у Лихачева-литературоведа? Есть. И этот девиз — «**текстология**».

Как это часто бывает в научной работе, главное открытие Лихачева-литературоведа начиналось с вопросов достаточно частных и как будто далеких от сияющих вершин «высокой науки»: «древникам» лихачевского сектора нужно было окончательно определиться с принципами публикаций русских средневековых памятников. Дело в том, что книги до изобретения Гутенбергом печатного станка, как легко понять, создавались переписчиками, а рукописные копии, в отличие от печатных, имеют индивидуальные ошибки, пропуски, искажения и дополнения. В результате текст одного и того же произведения, содержащийся в разных дошедших до нас рукописных трудах, существовал в нескольких, подчас значительно отличающихся друг от друга текстовых версиях. Естественно, вставал вопрос: какую из этих версий публиковать? Очевидно, что таковой должна была быть авторская версия, но как ее установить?

Проблема эта возникла задолго до Лихачева, и не в литературоведении, а в богословии, поскольку в рукописных списках первоначально существовало и Священное Писание, и первыми текстологами были ученые «толковники», стремившиеся установить библейский «канонический текст» (о важности этой работы говорит, например, тот факт, что из-за одной-единственной буквы «иота», отличающей греческое слово «единосущный» (ομοουσιος) от слова «подобносущный» (ομοιουσιος) в III веке шла настоящая многолетняя религиозная война).

В новое время те же проблемы, связанные с изучением рукописных текстов, получили «по наследству» от богословов литературоведы, занимающиеся исследованием светской литературы Средневековья. И столетие за столетием исходный, «канонический» текст определяли путем механического сличения рукописей, составляя так называемые «стеммы» — схематические цепочки вариантов текста, объединенных общими ошибками или общими сходными фрагментами. На основании разных комбинаций ошибок или комбинаций сходных мест в разных версиях текста выстраивалась иерархия, которая в теории должна была выявить «безошибочный» вариант, считавшийся исходным. Разумеется, такая «механика» в методике работы литературоведа-текстолога вела

ко всевозможным противоречиям и нестыковкам, которые до Лихачева полагались неизбежным злом. Понимание того, что «арифметика текста должна уступить место исследованию смысла текста»¹, конечно, существовало, но принципы подобного «исследования смысла» оставались непонятными.

Открытие, совершенное Лихачевым, как и любой гениальный прорыв в науке, поражает своей простотой и, главное, нестандартностью в подходе к решению проблемы. Вместо того чтобы бесконечно перетасовывать и комбинировать тексты, выявляя в них все новые особенности, он предложил своим коллегам обратить внимание на то, как и при каких условиях эти особенности могли в текстах появиться. Другими словами, **Лихачев впервые в мировой медиевистике сосредоточил внимание не на книге, как таковой, а на человеке, пишущем книгу.** «Нет текста вне его создателей, как и нет литературы вне писателей, — утверждал Д. С. Лихачев. — Чтобы восстановить историю текста того или иного произведения, надо вообразить за ним древнерусского книжника, надо знать, как работал древнерусский книжник, проникнуть в его психологию, знать его цели, идеологические устремления, знать “механизм” ошибок. **Надо вообразить себе за текстом и за его изменениями человека, который этот текст создал,** вносил в него вольные или невольные изменения. **Текстология имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом**»².

Именно это — гениально. Все гениальное — просто. Канту было нужно всего-то предположить, что пространство и время не существуют в реальности, а являются категориями человеческого мировосприятия — и произошел переворот в философии. Лобачевскому было нужно всего-то представить, что идеальной евклидовой плоскости, в которой могут быть проложены параллельные линии, в природе нет — и были «потрясены» все предшествующие представления о геометрии. Лихачеву всего-то и надо было подчеркнуть, что **понять историю создания текста — это и значит понять текст,** — и многие существовавшие до этого момента взгляды на цели и задачи изучения литературы летописного периода стали архаикой.

Действительно, до лихачевской «Текстологии» литературоведы изучали либо текст, либо писателя, так сказать, отдельно друг от друга. В первом случае текст толковался (такой метод называется герменевтическим), то есть литературовед присваивал тексту некоторое значение, основываясь на своем понимании его знаковых особенностей (а боль-

¹ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб.: Алетейя, 2001. С. 26.

² Там же. С. 62.

шей частью — по произволению своему). Во втором случае литературовед изучал биографические документы, позволяющие сформулировать «взгляды писателя», и видел в его произведениях (точнее — в их «идеологически значимых» фрагментах) точно такие же «биографические свидетельства».

И только Лихачев первым попытался связать два эти начала, представить себе, как конкретная личность проявляет себя в процессе создания конкретного текста. Читать без волнения те страницы «Текстологии», где фиксируется этот «момент истины», невозможно. «Заглянем через плечо древнерусского книжника, — предлагает Д. С. Лихачев. — Он сидит на “стульце”, положив рукопись на колени. Рядом с ним на низком небольшом столике письменные принадлежности: чернильница и киноварница, маленький ножик для подчистки неправильно написанных мест и чинки перьев, песочница, чтобы присыпать песком непросохшие чернила. Он пишет не в переплетенной книге, а в отдельных тетрадах, то есть согнутых в два, в четыре раза листах пергамента или бумаги, которые только потом переплетают в книгу...»¹ В психологии это называют «эмпатией» — умением представить себя на месте другого человека. И даже простая зрительная «картинка» создания рукописи, как пишет Лихачев, сразу «может сообщить исследователю очень много данных, чтобы судить об оригинале рукописи и о тексте. Целый ряд особенностей текста может вызываться именно таким характером переписки рукописи. «Оригинал, с которого книжник переписывает или который он перерабатывает, с которым он сличает свою рукопись, лежит не рядом: на коленях места немного. И от этого могут произойти также типичные изменения текста, ошибки и опущения. Оригинал далеко — его можно плохо прочесть, случится и забыть текст, когда пишешь, а снова заглянув в него — перескочить глазом с одной строки на другую и прочесть не тот текст»².

«История текста памятника, — пишет Лихачев, формулируя свое понимание текстологии, — стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере историей их создателей...»³ Поэтому, «чтобы восстановить историю текста памятников, текстолог обязан быть и историком, и литературоведом, и языковедом, и историком общественной мысли, а часто и историком искусства. <...> На всем пути истории текста стоят люди с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями

¹ Лихачев Д. С. Текстология. С. 64.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 33.

ми памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен для нас автор, но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие внимание на судьбу текста, а за этими людьми стоят, в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное и незаметное влияние на судьбу памятника»¹.

Понимание истории текста как ключа к его содержанию («не в слове — дело, а — почему слово говорится» — от цитирования горьковского Луки здесь удержаться сложно) вывело текстологическую концепцию Лихачева не только за достаточно узкие рамки медиевистики, но и за границы собственно литературоведения. **Отталкиваясь от локальных проблем изучения древнерусских рукописей, Лихачев шел к основам семиотики** — науки о знаковых системах, имеющей в современном научном мире универсальный характер. **Это и стало решающим в его облике литературоведа-новатора.**

Следует заметить, что некоторые конкретные результаты лихачевских исследований в настоящее время либо уточнены, либо опровергнуты современными филологами-«древниками». Ничего удивительного в этом нет — наука не стоит на месте. Даже для непрофессионала очень многое в самой лихачевской «Текстологии» сегодня уже кажется очевидно-архаичным (так, например, в эпоху информатики звучат трогательно наставления Лихачева в технических приемах для проведения сравнения текстов: «Лист графитится на вертикальные колонки по числу списков. Если списков настолько много, что все они не могут разместиться на листе, то к листу справа по горизонтали могут присоединяться (с помощью подклейки или без подклейки) дополнительные листы с вертикальными колонками. В крайней левой колонке пишется текст основного списка...» и т. д.²).

Однако уместно вспомнить, что Зингер, произведя промышленный переворот, запатентовал не швейную машинку, а швейную иглу с отверстием для продевания нити на остром конце. Он прекрасно понимал, что все механизмы изобретенного им устройства очень скоро будут усовершенствованы его талантливыми последователями, но иглу с отверстием для продевания нити на остром — а не на тупом, как это было принято испокон веков — конце в самой технически-совершенной швейной машинке никто заменить не сможет. В наследии Лихачева-литературоведа такой «иглой» является его **семиотическая трактовка истории текста.**

Здесь следует сказать еще об одном поразительном открытии Лихачева-литературоведа, находящемся в непосредственной связи с его пониманием текстологии. Это его знаменитое **учение о «хронотипе»**, из-

¹ Лихачев Д. С. Текстология. С. 45–46.

² Там же. С. 177.

ложенное в вышедшей вслед за «Текстологией» «Поэтике древнерусской литературы»¹. Культурологов, разумеется, не может не заинтересовать в этой книге критика Д. С. Лихачевым «евразийства» — именно тогда и возникает в его творчестве осознанная культурологическая тенденция, которая позже «эмансипируется» от его литературоведческих изысканий в самостоятельное направление научной деятельности. Но понятие хронотипа интересно среди прочего тем, что, принадлежа по существу к «инвентарю» культурологии, оно возникает из сугубо литературоведческих наблюдений Д. С. Лихачева. Ученый приходит к выводу, что многие текстовые особенности древнерусских памятников не могут быть объяснены иначе, как пониманием древнерусскими книжниками времени иным, нежели то, которое сложилось у современных читателей. В частности, если для современного представления «будущее» оказывается перед пребывающим в «настоящем» человеком, а «прошлое» — позади него, то для древнерусских авторов все было иначе. Человек, по их мнению, «пятился в будущее», оно находилось у него «за спиной». Наши предки жили «в прошлом и настоящем», тогда как мы живем «в настоящем и будущем».

Прочитаешь такое — и задумаешься. Для человека XX века само собой разумеющейся кажется забота о том, что будет. Во имя того, чтобы завтра было хорошим, мы, подчас, идем на существенные жертвы сегодня. Многие российские «перекосы» минувшего столетия как раз и произошли от того, что общество стремилось к будущему, мало заботясь не только о прошлом, но даже и настоящее свое рассматривая как некую дорогу в прекрасное завтра.

Несомненно, лихачевское понятие хронотипа еще не до конца осмыслено...

Создав целый ряд значительных работ в контексте современной ему филологии, Д. С. Лихачев немало сделал и для **расширения этого контекста**, реализуя по сути **междисциплинарный подход к изучению литературных памятников**.

Следует отметить, что эта сторона его научной деятельности сегодня недооценивается некоторыми литературоведами: «В последние годы жизни, **да и много раньше** Д. С. Лихачев выступил с целым рядом **публицистических** статей и книг о России, русской культуре, интеллигенции, нравственности»,² — пишет, например, Н. В. Поньрко (выделено мною. — А. З.). Примечательно, что в качестве «публицистики» ею упоминаются выдающиеся, важнейшие для гуманитарных наук работы

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979.

² Поньрко Н. В. Хранитель культурного наследия России. К 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева // Вестник РАН. 2006. Т. 76, № 11. С. 1026.

Д. С. Лихачева. Такая оценка, очевидно, не вполне отражает содержание деятельности академика. Думается, что если уж пытаться переосмыслить оценку, данную этой деятельности Варварой Павловной Адриановой-Перетц, писавшей об «огромном вкладе Дмитрия Сергеевича в **различные** области научного знания — литературоведение, историю искусства, историю культуры, методологию науки»¹ (выделено мною. — А. З.), — то никак не в сторону умаления значения «нелитературоведческих» работ до публицистики.

Наоборот. Скорее, для Д. С. Лихачева «литературоведение, история искусства, история культуры, методология науки» не были непреодолимо различными областями научного знания. Более того, **решая задачи литературоведения, академик стремился к синтезу гуманитарных наук**. Он привлекал для изучения литературных памятников методы и средства различных наук, интегрируя их в процессе исследования. Дело в том, что изучение литературных произведений древности в принципе не могло вестись методами, аналогичными, скажем, литературоведению Нового времени. Слишком велики утраты, наслоения, ошибки переписчиков. Отсюда — стремление проверить результаты литературоведения нелитературоведением, испытать полученные факты и, тем более, выводы «перекрестным допросом» различных наук. Отсюда же — и особое значение метода реконструкции, когда утраты восстанавливаются по крупицам косвенных свидетельств, когда понимание каждого слова, буквы проверяется выстраиванием своего рода «параллельных рядов» в живописи, музыке, зодчестве, фактах археологических находок и т. д. Тогда литература далеких времен оживает в мире других явлений культуры, обретает полноценный смысл в целостной и неразрывной культурной ткани.

¹ *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд. М.: Наука, 1989. С. 39.